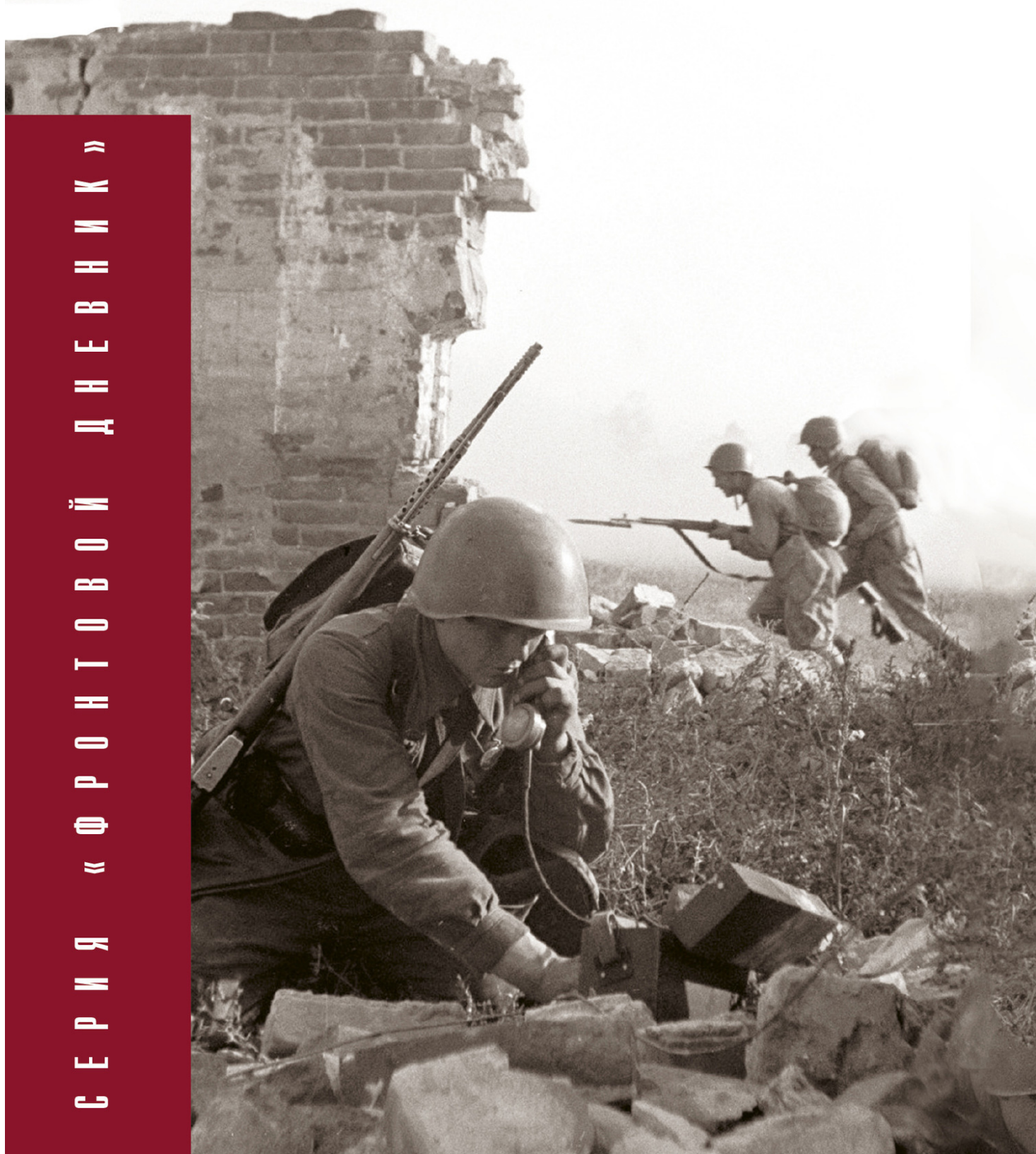

ЛЕОНИД РАБИЧЕВ

ВОЙНА ВСЕ СПИШЕТ

Откровенные воспоминания о войне художника, прозаика и поэта, служившего офицером-связистом в составе 31-й армии

СЕРИЯ «ФРОНТОВОЙ ДНЕВНИК»

Фронтовой дневник (АСТ)

Леонид Рабичев

Война все спишет

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Рабичев Л. Н.

Война все спишет / Л. Н. Рабичев — «Издательство АСТ»,
2019 — (Фронтовой дневник (АСТ))

ISBN 978-5-17-116650-2

Леонид Рабичев — известный художник, прозаик, поэт, прошедший Великую Отечественную войну офицером-связистом в составе 31-й армии, действовавшей на Центральном, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах. О своей самой главной книге «Война все спишет» он говорил так: «Спустя шестьдесят лет пишу то, что выплывает из памяти, не всегда и не обязательно последовательно, не все могу понять, ничего не могу оправдать, иногда догадки, иногда прозрения... Это только то, что попадало в поле моего зрения». Автор воссоздал эпизоды из жизни на фронте и в тылу, честно и жестко рассказал о темных и шокирующих моментах исторических событий, каждое из которых он пропустил через свое сердце. Порой его воспоминания похожи на исповедь, порой — на хронику, а порой — на художественное произведение. Такой принцип повествования сделал его текст пронзительным и правдивым, позволил читателю почувствовать себя очевидцем тех далеких военных лет.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-116650-2

© Рабичев Л. Н., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Глава 2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Леонид Рабичев

Война все спишет

От автора

Спустя шестьдесят пять лет пишу то, что выплывает из памяти, не всегда и не обязательно последовательно, не все могу понять, ничего не могу оправдать, пишу о том, что попадало в поле моего зрения, отдельные страницы жизни, фронта и тыла 31-й армии, сражавшейся на Центральном, 3-м Белорусском и 1-м Украинском фронтах, калейдоскоп нескольких аспектов жизни: исповедь, счастье, позор, покаяние, мемуары, дневники, документы, письма, иногда догадки, иногда прозрения. Страна, прошлое, будущее и все в себя вбирающая мысль, что все впереди!

Однако все не так просто. Вперед – назад. Поэзия, проза, живопись, книжная графика, дизайн. Перехожу от одного жанра к другому и чувствую, что не изменяю себе, что все это мое. Случайно ли я на последней границе жизни оформляю ветхозаветные и евангелические книги? Случайно ли, стремясь писать самые простые стихи, самые искренние прозаические озарения, сталкиваюсь с самыми сложными текстами книг бытия и капризами изменяющегося времени? Хочется обо всем сказать просто, не элементарно просто, а просто мудро, просто универсально, так, чтобы неповторимо. Восемьдесят шесть лет. Каждая секунда дорога. Открываются новые горизонты, жизнь с каждым днем расширяется, все впереди! И если суждено остановиться, то никуда уже не денется возникшее чувство удовлетворения. Ни дня без строчки, ни дня без красок. Четыре года войны. Жил, любил, работал, помогал, кому мог. Пятнадцать книг стихов, воспоминания о детстве, о войне, биографии художников, композиторов, поэтов, друзей. Война и мир. Размышления об искусстве, любви, жизни и смерти, о стремительно бегущем времени и непреходящая уверенность, что все впереди! Все впереди!

Веерообразно расходятся дни и годы жизни, и только одно остается неизменным – все впереди!

Буду двигаться вперед – и снова и снова возвращаться назад. Иначе пока не получается, пока новые стихи, чтобы на восемьдесят шестом году жизни не забыть их, сначала стихи, а потом – все впереди!

Глава 1

Москва – Быково. Начало войны

В начале июня 1941 года я сдал последние экзамены и перешел на второй курс юридического института. Отметки по дисциплинам, кроме теории государства и права и латинского языка, у меня были неважные. Я понимал уже ясно, что юриспруденцией заниматься не буду, и привлекали меня в институте только самый внезапный роман с девочкой, имя которой я забыл, и заседания литературного кружка, руководил которым Осип Максимович Брик. Видимо, я уже не сомневался, что буду писать до конца жизни. Однако на практике все оказалось гораздо сложнее.

22-го, утром, проезжая на велосипеде мимо одной из соседних дач, я услышал фрагмент из речи Молотова и через пять минут уже был дома. Родители, брат, гости пытались понять, что будет. Все были уверены, что война больше трех недель не протянется и что капитуляция фашистской Германии неизбежна.

С утра до вечера слушали сводки Информбюро и все более и более удивлялись неожиданному и пугающему развитию событий. В июле немцы начали бомбить Москву.

Днем мы сидели у репродукторов. Вечером, после первой бомбежки, у входа на Казанский вокзал возникла пробка. Задние нажимали, передним некуда было податься, кто-то кричал, что женщину задавили.

Платформы пригородных станций были набиты людьми с узлами и чемоданами. Москвичи выходили на пристанционные площади, расходились кто куда. Один из них остановился около нашего забора.

– Разрешите переночевать на вашем участке? У меня жена, двое детей.

– Заходите. Что происходит в Москве?

– Красная Пресня полностью уничтожена, бомбят Арбат, говорят. Немцы уже Смоленск взяли.

А на станции мальчишки окружили старуху в синем клетчатом платке и заграничном пальто. Старуха говорила, что она из Киева приехала к дочери, но мальчишки не верили ей.

– Тащи ее в участок, там разберутся, – уговаривал товарищей рассудительный двенадцатилетний мальчик.

Но другой мальчик в коротких штанишках размахивал большой березовой палкой и очень волновался:

– Это только на вид она женщина, а на самом деле – мужчина! У, ты, – погрозил он, – замаскировался!

После двенадцати часов ночи над нами начинали кружить немецкие бомбардировщики. Где-то за Люберцами, а может быть, вдоль всей Окружной дороги наши зенитчики организовывали заслоны. Трассирующие пулеметные очереди образовывали сплошные световые узоры, в воздухе разрывались снаряды. Самолеты заворачивали и опять оказывались над нами.

Часа два тянулась эта канитель, и вдруг в воздухе над нами завис светящийся шар.

Никто не знал, что это такое, с каждой минутой шар увеличивался и спускался прямо на нас.

На Октябрьской улице на ковриках и одеялах ночевали москвичи. Все они проснулись и, как зачарованные, с ужасом смотрели на небо. Думали, что это большая бомба замедленного действия или какое-то еще более коварное немецкое оружие, и каждому казалось, что спускается оно именно на него.

И стоило одному человеку побежать, как все, вся улица, сорвавшись со своих мест, побежала. Но шар тоже не стоял на месте. Бежали обратно, и он тоже двигался обратно и становился все огромное и все страшнее.

Я бежал в сторону кино.

Незнакомая девочка протянула мне руку.

От усталости и ужаса мы свалились в кювет около кинотеатра. Девочка прижалась ко мне, и я поцеловал ее, она плакала и целовала меня, и мое сердце билось уже не от страха, а от ее близости. А шар все увеличивался и был уже совсем над нами и, как прожектор, освещал и слепил нас. И вдруг его не стало.

Мы поднялись – мокрые, грязные, потрясенные.

Я проводил девочку до школы. Она последний раз поцеловала меня. Больше никогда я ее не встречал. А шар – это ерунда. Это была осветительная ракета, фонарь. Но узнали мы это только на следующий день.

В августе немецкие самолеты каждую ночь бомбили Быково. Мы выкопали квадратную яму два на два метра и глубиной метра полтора. На дно положили ковер. На ковер поставили шесть стульев. Сидели на стульях, прижавшись друг к другу, и напряженно смотрели на небо.

Один за другим пролетали над нами немецкие самолеты. Приблизительно через четыре минуты в районе Люберец образовывалась сплошная стена огня, тысячи трассирующих зеленых и оранжевых пулеметных очередей, сотни осветительных ракет, сотни прожекторов. Их лучи, пересекая все видимое пространство, двигались во всех направлениях, и если в луч одного из прожекторов попадал немецкий самолет, то ему не суждено уже было уцелеть, потому что еще десятка два прожекторов ослепляли и освещали его, и в ярком световом пространстве разрывались сотни зенитных снарядов. Самолет загорался и падал, а в поле прожекторов оказывался летчик на парашюте. Все это видели не только мы, но и немецкие летчики. Они стремительно разворачивались, снова появлялись над нами и снова летели на Москву. И снова огненная стена пугала их.

Десятки кругов, небо над нами гудело, от нас – к нам, а мы на стульях, и страшно, и уже шея болит, а все равно смотрели на небо.

Между тем приближалось утро, небо начинало светлеть, и вся не прорвавшаяся к Москве армада сбрасывала предназначенные для москвичей бомбы и зажигалки на Быково и улетала в Германию.

Мы выскакиваем из ямы. На Октябрьской улице горят два дома. Пять зажигательных бомб упали рядом с нами, в расположенный между сараем и нашей дачей малинник.

Малина горит. Папа засыпает зажигалки песком.

Я накачиваю водой ведра и гашу огонь, подбирающийся к крыльцу дачи. Мой дядя был тяжело болен: инфекционный полиартрит искривил и сковал на много лет его ноги и руки, он с трудом ходил по комнате. Но произошло чудо.

Объятый ужасом, он перепрыгнул через забор, оказался на улице и никак не мог понять, где находится, где наша калитка и где наша дача.

Москва. Сентябрь – октябрь 1941 года

1 сентября 1941 года мы переехали из Быкова в Москву. Немцы продолжали бомбить город. Вместо быковской ямы, теперь я каждую ночь дежурил на крыше своего дома.

На Покровском бульваре, напротив дома, между деревьев и скамеечек, расположилась зенитная батарея, а на углу крыши дома были оборудованы зенитчиками две счетверенные пулеметные установки. На бульваре, в некотором отдалении от зенитчиков, далее через каждые 100–150 метров, стояли лебедки, при помощи которых днем стальными канатами притягивались к земле, а ночью отпускались и поднимались на большую высоту похожие на китов или бегемотов заградительные аэростаты.

В бывшей комнате техника-смотрителя, на первом этаже, у телефона по очереди дежурили мои сверстники – студенты и студентки, – ждали указаний из штаба обороны района. И когда сквозь кольцо зенитной обороны города прорывались немецкие бомбардировщики, по сигналу «Тревога!», под завывание сирен, гудков заводов, пожарных машин мы, согласно указаниям дежурных, бегали по всем этажам, звонили во все квартиры дома, будили жильцов и следили, чтобы они вовремя спустились в глубокий подвал дома, оборудованный под бомбоубежище. После этого поднимались на чердак, где у каждого было свое место перед чердачным окошком, через которое мы легко вылезали на крышу нашего дома.

Это одно из самых страшных воспоминаний моей жизни. На горизонте, видимо, появлялся вражеский самолет. Сотни прожекторов, сотни разноцветных трассирующих пулеметных очередей, разрывающихся снарядов сосредотачиваются на пространстве, в котором предположительно он находится.

Вся эта масса огненного неба медленно, со все возрастающим грохотом надвигается на нас.

И все это было ничего, пока не начинали стрелять расположенные под нами на бульваре зенитные батареи и одновременно на углу нашего дома счетверенные пулеметные установки.

Глаза невозможно оторвать от ослепительного неба, уши гложут, какая-то пронизывающая боль в ушах. Железная крыша нашего семиэтажного дома содрогается, и я начинаю медленно сползать по ней, ложусь на спину и судорожно вцепляюсь руками в ребра между листами железной кровли, а грохот все усиливается. Вся крыша усеяна падающими с неба пулями и мелкими осколками снарядов. И кульминация.

На крышу падает несколько зажигалок.

Тут чувство долга берет верх. Я вскакиваю на ноги и заранее приготовленной лопатой засыпаю огненные шары песком из ящика. Я не один, нас на крыше человек двенадцать, и за несколько минут нам удастся погасить все зажигалки. Страх навсегда забывается.

Грязные, поцарапанные, собираемся мы на чердаке и смеемся. И каждому хочется рассказать, как, ничего не боясь, именно он погасил самую опасную, то есть загоревшуюся на самом краю крыши или не замеченную сначала и уже накалившую пространство вокруг себя, зажигалку.

В шесть часов утра, после отбоя, я спускался с чердака, заходил в свою квартиру, заводил будильник и мгновенно засыпал. Через три часа начинались лекции в юридическом институте.

Так продолжалось десять дней.

Я устал, спал на лекциях в своем Московском юридическом институте, понял, что учеба с ежедневными дежурствами на крыше несовместима.

Вечером в диспетчерской дежурила милая девочка, которую я знал ребенком – дочь сослуживца и друга моей мамы Нина Репина. 7 сентября мы с ней на чердаке сидели у одного окна, потом выскочили на крышу, погасили несколько зажигалок. Уставшие, вернулись на чердак, посмотрели друг другу в глаза. Она улыбалась. Я обнял ее, она прижалась ко мне, и до отбоя мы целовались.

Я объяснил Нине ситуацию с институтом и дежурствами на крыше. Написал заявление. Мне разрешили дежурить через день. После этого до 16 октября я одну ночь дежурил на чердаке, а следующую отсыпался в своей квартире. Кто-то звонил, предлагал спуститься в бомбоубежище, но я не откликался. При встрече со мной Нина отворачивалась.

С 1-го по 15 сентября студентов всех курсов юридического института направили на работы в Северный товарный порт на Москве-реке, а из членов литературного кружка создали бригаду по выпуску боевых листов и плакатов типа «Окон РОСТА». Работали мы круглые сутки в две смены. Я писал стихи к плакатам и тексты для боевых листов, интервьюировал студентов, занятых на погрузке, и впервые в жизни оформлял боевые листки как художник. Агитстихов своих не помню, но помню, что они нравились моим товарищам, и помню состоя-

ние общего восторга – мы были востребованы коллективом. Видимо, то, что у нас получалось, не носило формального характера, а вызвало всеобщий интерес.

16 сентября неожиданно для нас первая лекция проходила в помещении Малого зала консерватории. Я не знал, что помещение института соединялось коридором с консерваторией.

Удивление неизмеримо возросло, когда на сцене в сопровождении двух вооруженных автоматами гэбэшников появился бывший генеральный прокурор, первый заместитель министра иностранных дел Молотова – Вышинский.

Директор института представил нам Великого прокурора и объяснил, что два раза в неделю по два часа он будет читать нам курс истории дипломатии. Сто рук взлетело в воздух.

– Что происходит на фронтах? Почему наши так стремительно отступают? Что будет?

– Неужели вы в самом деле оказались в плену вражеской пропаганды? – усмехаясь, говорил заместитель наркома. – Неужели вам не понятно, что наши маршалы заманивают армии рейха в ловушку? Да, действительно, мы подпустили их к Минску, но не пройдет и двух дней, как они побегут, и остановки уже не будет. Считайте, что мы уже одержали победу!

Весь зал встает, горящие глаза, бурные аплодисменты.

А через неделю:

– Неужели вы в самом деле...

Но речь уже шла о Смоленске, и уже всем было ясно, что Великий прокурор врет.

Последнее занятие происходило 15 октября.

Глава 2

Эвакуация

16 октября 1941 года

Утром еду в свой институт.

Первые два часа по расписанию – лекции прокурора Вышинского. Но оказывается, все лекции отменены.

Кто-то объявляет, что вечером институт в полном составе будет эвакуирован из Москвы в Алма-Ату, и поэтому надо получить открепление в военкомате. Что все уже забронированы и после ускоренного окончания института будут направлены на фронт. (В трибунал? В Смерш?)

Я озадачен, но занимаю очередь в военкомат. Смотрю – в коридоре В. С., обнимаемся. Вдруг он говорит мне, что решил во что бы это ни стало остаться в Москве и с этой целью для поступления куда-то получает в военкомате справку. Поступает он не то в институт, не то на какую-то предоставляющую бронирование работу. А если немцы захватят Москву? Говорит, что это его не пугает, уверен, что хуже не будет. Очередь длинная, только в четыре часа вечера получаю открепление.

Значит, эвакуация в Алма-Ату? Звоню из военкомата домой, и вдруг мама не выдерживает и плачет. Куда ты пропал? Я уже третий час пытаюсь тебя найти. Папа волнуется, его наркомат нефтяной промышленности вечером эвакуируется в Уфу.

– Витя, – говорит она (Витя – это мой старший брат), – в бронетанковом училище в Магнитогорске. Ты через несколько дней уйдешь в армию, а до Уфы без твоей помощи нам не доехать.

Думаю три минуты.

Военюристом быть не хочу, ради брони – тем более.

По прибытии в Уфу подаю заявление о добровольном призыве в армию.

Дома мама укладывает в чемоданы все, что может понадобится для жизни, приблизительно на полгода. Да, все мы тогда были уверены, что больше чем полгода война не протянется. Но Уфа? Это север? Не то Урал, не то Сибирь? Предстоит холодная зима? Значит, все шерстяное и меховое: шубы, шапки, одежда, ботинки, галоши, валенки. А на чем спать?

Наполняем необходимыми вещами чемоданы, скручиваем узлы и тюки: три матраца, три ватных одеяла, три подушки, простыни, наволочки, отдельно – посуда, кастрюли, сковородки, тазы. А книги? Чемодан с книгами. Думали, что живем бедно, оказывается, всего так много. А продукты? Сахар, мука, крупы, хлеб. Вещей в два раза больше, чем при переезде на дачу. Там всегда заказывали грузовик, а тут – как это перенести на себе?

Я пытаюсь поднять то один, то другой узел и вижу, что мне это не под силу, и начинаю развязывать тюки, выбрасывать из чемоданов половину вещей. Мы спорим, ругаемся, но сколько ни выбрасываем – все равно не поднять.

В восемь часов вечера приехал папа, попробовал поднять два-три чемодана и сказал, что это слишком тяжело. Снова все распаковали.

Безжалостно расставались с тем, что непосредственно не было необходимым, снова все перевязали и, наконец, в девять вечера решили, что больше нет ни минуты. Папа под расписку сдал дежурному по дому ключи от квартиры и отметился в специальной книге отъезжающих. Квартира наша была забронирована за нами, о чем у нас были документы, в книгу вписывались номера и даты этих документов.

Мама стояла около вещей. Мы по одному перетаскивали чемодан метров на двадцать и возвращались за следующим. Вещи надо было дотащить до трамвайной остановки у Покровских ворот. Оттуда один из номеров трамвая шел по Покровке до Разгуляя и Елоховской

церкви, там заворачивал и подходил до моста Окружной железной дороги, как раз напротив Казанского вокзала. Но уже напротив Милютинского садика, обливаясь потом и растрачивая последние силы, мы поняли, что до Покровских ворот эту жуткую гору узлов и чемоданов нам не дотащить. Решили сократить количество вещей вдвое.

Мама осталась у Милютинского садика с вещами, а мы по одному чемодану или узлу потащили назад домой.

В этот вечер Москва обезлюдела. Эвакуировалось несколько десятков тысяч человек, а четыре с половиной миллиона оставались дома.

Москва 1941 года. Два трамвайных кольца, паутина улиц и переулков с причудливыми названиями. Гордость города – недавно построенная гостиница «Москва». От Сокольников до Парка культуры имени Максима Горького – первая линия метро. На открытие этой линии папе выдали на работе пропуска, и мы всей семьей первый раз в жизни спускались по эскалатору, с восторгом рассматривая мраморные дворцы-станции. А потом Тверская улица от нынешней Манежной до площади Пушкина. Последний новый дом со скульптурой на куполе крыши как раз напротив памятника Пушкину.

Это была Великая стройка века.

Большинство старых домов, в том числе малоэтажных особняков, бывших дворцов и магазинов, разрушали и сносили. Три дома, представлявшие, по мнению Сталина, историческую ценность, передвинули метров на пятьдесят, и они оказались во дворах. Двигали их по рельсам, на больших бревнах, приблизительно как мы в Быкове каждый год передвигали с террасы на участок наш тяжелый пинг-понговый стол.

Вся Москва ходила смотреть на это чудо, когда подъемными кранами переносились и подкладывались под фундаментыдвигающихся домов бревна и когда рабочие, при помощи нескольких сотен лебедок и железных тросов, день и ночь тащили эти дома на новое место.

Наконец, критическая масса нашего имущества уменьшилась до возможной. Теперь уже вдвоем с папой мы могли поднять и перетащить метров на тридцать любую вещь, и дело сдвинулось с мертвой точки.

С черепашей скоростью, но теперь уже без остановок, мы двинулись к Покровским Воротам, и тут произошло чудо.

По пустынному Покровскому бульвару мимо нас проходила веселая студенческая компания, и одна из девушек сказала:

– А ну-ка, бездельники, поможем этим уставшим интеллигентам – кто берет чемоданы?

Они плюс мы, все вещи в воздухе, через десять минут оказываемся на трамвайной остановке. И тут опять нам везет: к остановке подходит пустой трамвай, и ребята за одну минуту втаскивают в него наши вещи. Мы не знаем, как благодарить их, а они смеются и машут нам на прощание руками.

Мы едем по Покровке и из окна трамвайного вагона видим, как группы обезумевших москвичей разбивают витрины магазинов и растаскивают что попало по своим квартирам.

У Разгуляя пьяный мужик садится в трамвай, с презрением смотрит на нас.

– Убегаете, – говорит, – как крысы с тонущего корабля, – и матом, и ну-ну, по второму, по третьему заходу, но трамвай наш уже на площади Казанского вокзала.

Вагоновожатый и кондуктор терпеливо ждут, когда мы сгрузимся. Сгрузились! Все! Я с мамой остаюсь около вещей, а папа бежит к Казанскому вокзалу искать в условленном месте свой наркомат нефтяной промышленности.

Но на условленном месте никого нет.

Площадь перед вокзалом и сам вокзал битком набит эвакуирующимися москвичами. Все они разобщены, не могут найти друг друга, все работают локтями, головой, ногами и кричат:

– Коля! Нина! Где дети? Отдел планирования! Поликлиника! Где же наркомат тяжелой промышленности? Иванов! Сидоров! Папа! Петенька! Я тут! У меня чемодан украли!

Отдельные крики сливаются в один сплошной монотонный гул.

Пахнет потом, мочой, калом, кровью. Каждый метр пути с боем, а куда пробиваться – никто не знает.

Сквозь эту жуткую толпу папа пробивается на перрон вокзала, где на каждой платформе стоят по несколько совершенно одинаковых пригородных электричек. На платформах обезумевшие, нагруженные вещами люди, но у каждой двери вооруженные солдаты. Папа мечется между поездами и пассажирами и вдруг видит своего сослуживца, и тот ему показывает на электричку наркомата нефтяной промышленности, два вагона.

Время 23.00, в 23.30 наш поезд должен отойти.

Папа прорывается через ту же толпу в обратном направлении, с трудом находит нас, и мама остается у вещей, а мы с ним вдвоем по одной вещи, по одному чемодану и тюку, опять и опять, несколько раз туда и обратно преодолеваем весь этот путь.

Время 24.00.

Мы в вагоне, нам предоставлено одно купе электрички – два трехместных сиденья и дыра между ними.

Сначала запихиваем чемоданы под полки, еду кладем наверх, на сетку, мягкими тюками заваливаем пространство между сиденьями.

Минут десять приходим в себя. Потом мама решает пересчитать вещи, не потерялось ли что, и вдруг обнаруживает, что нет как раз главного чемодана со всеми нашими шерстяными и меховыми зимними вещами и зимней обувью. Это катастрофа.

Папа пытается узнать, когда отправится наша электричка. Ему говорят, что дорога загружена, что отправится не ранее чем через час. И он оставляет нас и отправляется назад, домой, за этим чемоданом, который мы случайно отнесли вместе с лишними вещами, когда стояли напротив Милютинского сада.

Время 0.30. Мы сидим в купе и волнуемся. Два часа ночи, а папы нет.

Два тридцать!

Три часа.

Папа появляется в полчетвертого, в руках у него чемодан.

Кто-то говорит, что мы стоим потому, что немецкие самолеты разбомбили в районе Раменского несколько железнодорожных составов и железнодорожные пути. Мы сидим в своем вагоне и ждем, когда бомбы начнут падать и на нас. Все места в вагоне заняты, двери заперты, туалет заперт, все волнуются, терпят и молчат. Неожиданно слух, что немцы перерезали дорогу, а с другой стороны уже заняли Москву. Неприятно посасывает под сердцем, хочется есть, спать, в уборную.

В шесть утра к нашей электричке подцепляется паровоз и мы трогаемся с места, минут через десять открывается туалет, через полчаса мы едим и, не раздеваясь, не вдоль, а поперек купе ложимся на свои нераспакованные тюки и засыпаем.

Просыпаемся днем.

Поезд медленно движется на восток. Проехали Бронницы. Впереди много дней дороги. Мы развязываем тюки, извлекаем постельные принадлежности, смываем с себя в туалете пот и грязь. Поперек купе расстелены три матраца, три простыни, три одеяла. Постукивают и поскрипывают полки.

День за днем мы едем лежа, сидя, смотрим в окна. Постепенно и параллельно у всех нас, у всех наших соседей – а это работники наркомата и члены Коминтерна, вожди компартий всех стран и народов мира – возникает мысль: какая большая страна! Города, села, леса и поля, дали и реки, холмы, дни, ночи, без конца и края! Не победят нас фашисты! Все еще впереди!

У коминтерновцев приемники. Немцы в Москву не вошли, Москву не окружили, войска их остановлены. Фашисты нас не победят.

И смотрим, как без конца и без края мимо нас на запад двигаются составы с военной техникой, танки, самоходки, пушки, дивизия за дивизией. Это с Дальнего Востока перебрасываются корпуса и армии, чтобы остановить и отбросить назад гитлеровские войска, а впереди – города, реки, леса, поля, тысячи километров нашей земли.

На восьмой день пути лидер венгерских коммунистов Ракоши стоп-краном останавливает наш состав. Оказывается, мы уже проехали Уфу, а машинист почему-то не остановил. Часов шесть идут переговоры. Наконец на ближайшей железнодорожной станции наш паровоз, маневрируя, перемещается в хвост состава и тащит нас назад в Уфу. Вот мы и на месте.

Выгружаемся. Нас встречают папины сослуживцы, помогают выносить вещи на платформу. Уфимский вокзал. На площади два грузовика и автобус. Вещи на грузовиках, мы в автобусе. Перед нами здание бывшего Уфимского оперного театра.

Уфа.

Теперь это наш дом, каждой семье здесь для временного проживания выделено по четыре квадратных метра. Это как раз четыре метра наших узлов и чемоданов, а спим мы на них. Вытащили одеяла, подушки и шубы, спим на одеялах, укрываемся шубами и полметра паркета вокруг – проходы.

По-прежнему рядом с нами семьи папиных сослуживцев и коминтерновцы. Слева от нас немецкий писатель, коммунист Юлиус Гай, справа – председатель венгерской компартии Ракоши, других не помню.

Утром нарком нефтяной промышленности срочно вызывает папу в Москву, и мы остаемся вдвоем, я и мама – в Уфе, мой старший брат Виктор – в Магнитогорске, в бронетанковом училище, папа после недельной работы в Москве направляется в длительную командировку по стране. Цель командировки – решить судьбу нефтепромыслов.

Итак, Уфа.

Выхожу на улицу, и сразу же знакомое лицо – девочка Валя. Я в одной группе с ней и Виталием Рубиным в 1940 году экстерном сдавал экзамены за десять классов. Еще сто шагов – и парень из моей группы, из юридического института. С институтом он в Алма-Ату не поехал, а еще раньше эвакуировался с семьей в Уфу. С восторгом рассказывает о своих спекулятивных операциях.

По деревням вокруг Уфы по дешевке он скупает и меняет на вещи картошку и по десятикратной цене продает эвакуированным москвичам и киевлянам. Приглашает меня к сотрудничеству. Еле отделался от него.

Иду по улице. Библиотека работает. О господи! Значит, жизнь не остановилась. Вхожу в зал и вижу склонившегося над стопкой журналов и книг Леву Сиротенко.

Он был другом Юры Бессмертного, вместе мы занимались в кружке античной истории Дома пионеров. Сидит и читает не то Геродота, не то Аристофана. Увидел меня, вскочил, и я тоже, – это ведь уже одна из лучших страниц моей московской жизни. Лева ведет меня к себе. Его семья занимает комнату на ближайшей улице. Подходим к двери – у дверей лежит огромная мертвая серая крыса.

Дверь открывает Мадонна Сикстинская – это Наташа, родная сестра Левы. Боже, какая красивая, только что вышла замуж за артиста Петрейкова – чтец, вроде Яхонтова.

Пытаются усадить меня за стол, но я еще не видел города. Прощаюсь, иду по улице, и вдруг – моя одноклассница Галя Грибанова, милая дорогая Галя!

Прежде я никогда не был в нее влюблен, но она всегда мне нравилась: широкое лицо, чуть раскосые улыбающиеся глаза. Мы целуемся и с этого дня почти каждый вечер встречаемся. Я захожу в ее захламленное жилище – там большая семья. Мы бродим, прижавшись друг к другу, по темным улицам, вспоминаем Москву, иногда целуемся, и мне невероятно хорошо.

Вечером мы с мамой находим мою киевскую родную тетю Веру, и моего двоюродного брата Мишу, и сестру Раю. Они «старожилы» – в Уфе уже месяц. Миша – мой ровесник, окончил десять классов.

Эвакуация из Киева. Застолье. Говорим, говорим.

Возвращаемся в оперный театр часов в двенадцать ночи, а там уже, как на шахматной доске, половина ячеек освободилась. Оказывается, идет расселение по квартирам города и мне с мамой, вместе с незнакомой нам семьей папиного сослуживца, выделяется одна комната – восемнадцать метров.

Мы ставим фанерную перегородку – и у нас своя девятиметровая комната.

Наш адрес: улица Ленина, дом 7, подъезд 5, комната 183.

Это какое-то бывшее административное здание, коридорная система, комнаты, кабинеты, мебели почти никакой. Нам достается один письменный стол, спим на полу, на все квартиры в конце коридора – один загаженный туалет. И все-таки, оглядываясь вокруг и назад, это замечательно, мы устроены, жизнь продолжается.

Днем я встретился с Левой Сиротенко в библиотеке, выписал книгу античного историка Светония. Диктатура Суллы.

Читаю, и постепенно возникает впечатление полного сходства с событиями четырехлетней давности. Аресты, пытки, проскрипции, доносящий получает часть имущества гибнущего, и никто не знает, почему гибнут древнеримские интеллигенты по доносам бывших друзей, а то и детей (эдакие римские павлики морозовы).

А вечером мой двоюродный брат Миша знакомит меня с мальчиками и девочками своего бывшего киевского класса.

Под ногами тающий снег, слякоть. Три переулка. В передней темно, раздеваемся и заходим. Три девочки и один мальчик. Горит одна свеча. Девочки: Эдда, Стелла, Алла. Мальчик на год младше меня – Володя Палийчук.

Он читает стихи, кажется, подражает Маяковскому, но – термины, числа. Это он решил воспроизвести в виде поэмы первый том «Капитала» Маркса.

Профессионально владеет формой, читает наизусть, с увлечением, глаза горят, артикуляция. Кончает читать. Алла – это его жена, они одноклассники, в семнадцать лет поженились (вызов, реакция родителей, педагогов школы). Алла начинает импровизировать – это не то психологический роман, не то детектив, и не начало, а продолжение. Она останавливается, продолжает Эдда. Стелла заходит в тупик, коллективно находится выход: острый сюжет с бесконечными вариантами продолжений. Миша включается в игру-работу, за ним Володя.

Так, вечер за вечером, со смехом и слезами – одна свеча сгорает, ставят следующую. Все расходятся.

Володя просит меня задержаться. Миша говорил ему о моих стихах. Я читаю ему свои дурацкие, прошлогодние, еще времени кружка Осипа Максимовича Брика, стихи, которые даже мне самому не совсем понятны. Это звуко- и словотворчество.

Неожиданно мы становимся друзьями.

У него уже биография.

В городе Станиславе учился на втором курсе филологического факультета, написал в шестнадцать лет работу, представленную на соискание кандидатской степени.

Был избран секретарем комсомольской организации института. Возглавил студенческий отряд добровольцев. Им выдали оружие, и они с боями, выходя из окружения, прорвались к своим, но он был контужен и из госпиталя в Киеве эвакуировался вместе с женой Аллой в Уфу.

Он предлагает мне совместно написать книгу о поэтике. Мы в библиотеке выписываем теоретические работы Андрея Белого. Что-то у нас начинает получаться: две-три своих мысли. Но я уже встал на учет в военкомате и подал заявление о желании идти на войну. Он сделал это раньше меня. Мы торопимся, в нашем распоряжении только двадцать дней.

Первым забирают Володю. Его направляют в специальное парашютно-десантное училище, которое готовит разведчиков.

Он на прощание как бы завещает мне совместно с Аллой закончить наш литературоведческий труд. Я с Аллой сижу то в библиотеке, то у нее. Каждый день вырываюсь часа на полтора к Гале Грибановой.

Неожиданно на два дня к нам приезжает папин студенческий товарищ Александр Абрамович Закошанский. В Гражданскую войну он командовал дивизией. Его призвали в армию и присвоили довольно высокое офицерское звание, но он заболел, ему в госпитале, в Уфе, сделали операцию.

Однажды пришел друг моего брата Сергей Захаров. Он, как и Виктор, старше меня на шесть лет, но теперь нас жизнь как бы выравнивает. Он приглашает меня в какую-то компанию, где много женщин, но не хватает мужчин. Мы пешком по грязным переулкам добираемся до окраины города.

В доме танцы, девочки. У него знакомая, с которой он исчезает. Я остаюсь с девчонкой, танцую с ней, обнимаю ее, а она начинает плакать. Мы оба никуда не годимся, не знаем, что делать дальше. Выходим на улицу, прижимаемся друг к другу, как будто у нас вечность в запасе, не замечаем времени.

Тут появляется Сергей. Он уже добился всего, чего хотел, двенадцать часов ночи, мы прощаемся, едем домой. Он спрашивает у меня довольно цинично и смеется надо мной, ему смешно, что я не проявил инициативы. А мне стыдно и за себя, и за эту девочку, и перед Галей Грибановой, которая ждала меня.

А на следующий день я получаю повестку в военкомат.

Письма

14 декабря 1941 года

«Дорогой Витя! Сейчас проводил в армию моего товарища Володю Палийчука. Он уехал добровольцем в десантные войска. Это замечательно умный парень, замечательный ученый, очень красивый человек. Последнее время я очень много занимаюсь. Вместе с Володей мы разрабатывали новую теорию поэзии. Я хочу эту работу непременно закончить до ухода в армию, то есть написать статью. Пока эта работа не дописана, я стихами не занимаюсь и потому не могу прислать тебе ни одного своего стихотворения.

В Уфе у меня много знакомых. Я встретил двух девочек из своего класса, девушку из экстерната, трех студентов своего курса. Мой институт находится в Алма-Ате и думает к маю возобновить занятия в Москве.

Самого меня зачислили в летную школу, потому что всех призывающихся берут в авиацию. Но я не думаю, что пройду медкомиссию... Возможно, я попаду в авиатехническое училище. Мама закупает картошку на зиму. Как только начнут принимать, pošлю тебе посылку: махорку, иголки, нитки, витамин С – сладкую, густую и полезную массу, которая в Уфе в ходу. Привет, Леня».

15 декабря 1941 года, понедельник (от папы)

«Дорогой Витенька! С 28 ноября нахожусь в командировке. Сейчас еду по направлению к Ташкенту, а затем в Красноводск, Баку. Вернусь к 1 февраля».

Мой тайм-аут закончен.

Мама собирает вещи, я бегу к Гале, она стремительно одевается, идет со мной и мамой в военкомат.

На прощание мы целуемся, что-то обещаем друг другу, мама отходит в сторону, Галя вынимает из сумки и дарит мне четыре толстые общие тетради в линейку и в клетку на очень хорошей мелованной бумаге, плачет.

Мама тоже плачет. Вообще слишком много слез.

Нас, человек сорок призывников, строем уводят в казарму, забирают наши паспорта. На дворе казармы несколько повозок, телег с лошадьми и кучерами. Это не солдаты, а мобилизованные деревенские мужики. Свои рюкзаки мы складываем на телеги и по команде выходим из ворот. Несколько улиц, кончается город, начинается полузасыпанная снегом проселочная дорога.

Небольшой мороз. Я знакомлюсь с ребятами. Виктор Вольпин – москвич, кончил десять классов. Сиротинский, Гудзинский и Заполь – студенты. Робкий Саша Захаров, наглый одессит Ховайло, татарчонок Яхин, москвич Гурьянов, будущий мой друг Олег Корнев.

Забыл, забыл имена, фамилии, но ничего, может быть, пока буду писать, вспомню.

Впереди город Бирск, до которого мы должны пройти пешком 115 километров. В каких-то деревнях останавливаемся, пьем кипяток, закусываем тем, что взяли из дома. Всем родители давали очень много вкусной еды.

Ребята угощают друг друга, но дорога бесконечная. Ночуем в деревне, потом опять идем. Ветер, перемешанный с пылью. Опять деревня. Утром следующего дня сильный порыв ветра. Мне в глаз залетает соринка. Пытаюсь вытащить, помогают ребята, но ничего не получается, глаз щемит и слезится. На третий день вечером приходим в город Бирск. Красные казармы, река Белая. Нас направляют в карантин.

Пофилософствую.

За двадцать дней я как бы пережил несколько жизней, приобрел до конца своих дней друга Леву Сиротенко и до конца их жизни Володю и Аллу Палийчуков. Когда Володя попал на фронт разведчиком, Алла преодолела миллион препятствий, добилась направления в его часть медсестрой и в первом же бою погибла, а Володя окончил войну, был награжден несколькими орденами и нелепо погиб под колесами встречной машины, голосуя на шоссе. Володя и Алла погибли. А почему, как тень, через всю мою жизнь прошла Галя Грибанова? А что это за труд был в библиотеке? Но ведь написал я какую-то крошечную часть того, что было задумано. Пять лет я переписывался с Эддой. А что за это время происходило с близкими мне людьми?

Папа.

Группе, в которую он входил, предоставлено было право решать участь северокавказских нефтяных промыслов. Взрывать или не взрывать? Где бурить новые скважины? Потом командировка на Урал. С ноября 1942 года он работал в Москве, был награжден орденом «Знак почета» и медалью «За трудовую доблесть».

Мама.

В 1942 году работает в Уфе директором парка гужевого транспорта.

Виктор.

Четвертый месяц курсант бронетанкового училища в Магнитогорске.

Почему? Как он туда попал?

Вите двадцать три года. В институте он трижды проваливался на экзаменах по политэкономии и диалектике, на первом курсе Станкина он не может сдать экзамены по немецкому языку, не запоминает дат партийных съездов. Зато по высшей математике у него пять, по черчению – пять, по физике и по сопромату – пять, по всем специальным предметам, связанным с техническим мышлением, у него блестящие результаты.

Три практики на заводе, три изобретения, три патента – он мгновенно находил пороки и пути усовершенствования измерительных приборов, переделывал бытовые приборы, чинил часы, придумывал новые схемы радиоприемников, усовершенствовал свой велосипед и был самым первым велосипедистом в Быкове.

На площади перед быковским кинотеатром он на велосипеде выделял цирковые номера.

Забыл сказать, что велосипед в Быкове был только у него. Ему было четырнадцать лет, когда папа купил ему один из первых образцов первой серии советских велосипедов. Тогда милиция требовала, чтобы на велосипедах, как теперь на автомобилях, были сзади и спереди номера, так вот у него был московский № 0003.

Все девочки были в него влюблены. Он пел все арии из всех опер, весь репертуар Лещенко, Козина, Вертинского, был страстным поклонником джаза Цфасмана. У нас был один из первых советских патефонов. Он усовершенствовал мембрану, тратил почти все заработанные деньги на пластинки Карузо и наших оперных певцов: Лемешева, Рейзена, Козловского, Обуховой. Одним словом, он был очень музыкален. В институте его выбрали председателем студенческого клуба выходного дня, и он организовывал одни из самых интересных в Москве концерты.

Вадим Козин и его аккомпаниатор Ашкенази несколько раз приезжали к нам на Покровский бульвар. Он затаскивал меня почти на все концерты в свой Станкин.

В первых числах июля 1941 года он должен был защищать диплом. В институте было военное дело.

Через месяц он, как и все парни его курса, должен был стать военинженером. При эвакуации заводов на восток все они были бы востребованы.

Но в конце июля 1941 года, на тридцатый день войны, состоялось комсомольское собрание студентов института. И что же делать – все мы тогда голосовали только единогласно...

Выездной инструктор райкома комсомола на общем собрании выразил мнение, что все настоящие патриоты – комсомольцы института – откликнутся на призыв райкома ВЛКСМ и, добровольно покинув стены института, пойдут на фронт. И при открытом голосовании все дипломники подняли руки и единогласно стали «добровольцами».

Всех их направили в Магнитогорское бронетанковое училище. Следом за ними в училище пришло разъяснение, что дипломников-станкостроителей мобилизовали ошибочно.

В Магнитогорск с правительственным разъяснением поехала группа родителей.

В Москву вернулись все дипломники, кроме Виктора и его друга. Им что-то не понравилось в конструкции машин.

Виктор тут же стал предлагать усовершенствование каких-то узлов. Ему было очень трудно привыкать к армейской дисциплине, но стремительное овладение всем комплексом – от вождения машин до сборки, ремонта и т. п. – выделяло его и облегчало трудное существование курсанта бронетанкового училища.

Невозможно определить, как многим я был ему обязан. У нас все было общее.

Деньги, которые давали нам родители, и заработанные им наши стипендии.

На все свои вечеринки он приглашал меня.

Все девочки, влюбленные в него, танцевали со мной. Я сидел с ними за столом как равный, но и Витю я приглашал на все мои студенческие вечера, когда в шестнадцать лет стал студентом юридического института и когда мы, члены литературного кружка, руководимого Осипом Бриком, выезжали читать свои стихи в студенческие общежития, а потом пили и веселились всю ночь напролет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.